

РЕДАКЦИЯ просила меня написать статью сразу о двух твоих повестях — «Тень друга, или Ночные чтения сорок первого года», выдвинутой на соискание Государственной премии СССР 1980 года, и «Елка для взрослого». Я не критик, не рецензент, и такая задача мне не по плечу. Но я с удовольствием пишу тебе открытое письмо, потому что мне понравились обе повести, обрадовали, удивили. А если произведение не может радостно удивить читателя, какая же это литература?

Твои повести удивили меня, зажгли, отозвались в уме и в сердце, а кроме того, заставили задуматься о самом авторе, о его литературной судьбе. Тогда-то я и решил обратиться к тебе с письмом. Правда, когда живешь в одном литературном аду, зачем писать письмо, если можно зайти в саклю друга и сказать ему все, что думаешь? Но, боюсь, такой способ критики могут назвать «приятельскими отношениями», и хотя, как ты справедливо пишешь в «Елке для взрослого», они имеют большое будущее, я все-таки решил написать письмо.

Хорошая книга — всегда большая радость. Хорошая книга, написанная другом, — радость двойная. Почему? Радость за друга, за его успех и радость за нашу литературу, которая пополнилась произведением значительным, достойным внимания читателя. К чему скрывать, книг у нас выходит великое множество, а много ли таких, что пленяют читателя игрой острого ума, новизной материала, изяществом? Такие появляются не так уж часто. Скажут, судить о книгах по законам дружбы негоже. Возможно. Я, повторяю, не профессиональный критик. Я поэт. Мой мир — любовь. Любовь к людям, жизни, женщине, любовь ко всему прекрасному. И о книгах я сужу по законам сердечной любви к литературе. А настоящая любовь строга. Она не опускается до слепого пристрастия.

Начну издаека, с дней моей юности, когда я переступил порог «Нового мира», чтобы справиться о судьбе своих сти-

хов. У меня их взял поэт, сотрудничавший в журнале, и обещал быстро напечатать. Но выходил номер за номером, а стихи все не появлялись. «Значит, плохие», — подумал я. Тот поэт давно куда-то уехал, и я наконец решился пойти к одному из руководителей журнала. Говорили, что он строг, но «решает вопросы» быстро и окончательно, что долго рабо-

ПИСЬМО ДРУГУ

Махачкала — Москва

Расул ГАМЗАТОВ —

Александр КРИВИЦКОМУ

ЖИВАЯ СВЯЗЬ
ВРЕМЕН...

тал в военной газете «Красная звезда» и ему принадлежит первооткрытие подвига 28 героев панфиловцев, что отличает его на твердый характер.

Я пришел и увидел веселого человека с насмешливыми глазами, поблескивающими через роговые очки. Меня, совсем еще зеленого юношу, он встретил как старого знакомого, быстро распорядился отыскать стихи, прочел их при мне, попросил исправить строчку, отдал перепечатать. Я хотел выйти из кабинета, но он строго сказал: «Сиди! Дело надо начинать и сразу доводить до конца, это экономит время». Расспросил меня о Дагестане, получил стихи обратно, сам внимательно считал их с моим оригиналом и при мне же послал их в набор. Вся операция заняла не больше получаса.

«Вот это да, — подумал я тогда о тебе. — Вот это да!» А ты, прощаясь, заметил:

— Во-первых, в интересах равноправия называй меня на «ты». Поэты выше царей, а я всего лишь заместитель главного редактора. Во-вторых, приноси стихи — и прямо ко мне. Известного писателя в отделе не задержат. А ты приходи прямо сюда.

С тех пор прошло много лет, и я уже давно обращаюсь к тебе на «ты», но до сих пор горячо благодарен веселому

и строгому человеку, твердо поддерживавшему поэта на заре его туманной юности.

Многие, очень многие писатели обязаны тебе дружеским участием, теплой, пронизательной поддержкой. В годы войны ты помог Андрею Платонову — это все знают. Повторяю, многие литераторы видели в тебе доброго наставника. А ты ведь и сам был тогда молод. Ты принадлежишь к тому отряду советских писателей, кто вступил в литературную жизнь с открытой партийностью, кто тверд в своих убеждениях и готов отстаивать их всегда и везде. Маленьким ключом ты открываешь большие двери.

В ту пору ты сам писал гораздо меньше, чем мог и хотел. Константин Симонов впоследствии не раз говорил мне: «Саха жертвовал своим талантом ради журнала, он — человек долга». Ты помогал всем, кто на твоих глазах нуждался в помощи, но свою литературную судьбу выковал, по-моему, сам. Все твои военные книги того времени нравились мне своей ясной сложностью, суровым знанием военной психологии. Твои международные памфлеты радостно удивили меня духом неискряемой политической отваги и поэзией мысли. Они сдела-

ли тебя признанным мастером этого жанра. И, может быть, больше всего меня удивляет твоя способность поэтизировать понятия, казалось бы, стойко прозаические. Что такое поэзия? Где границы ее владений? Где кончается ее власть и начинается территория прозы жизни? Кто и как может ответить на эти вопросы?

Я поэт и, естественно, обратил внимание на один из эпиграфов к повести «Тень друга...», тем более что ты поставил его на первое место: «Военная история — величайшая поэтика». Эти слова Энгельса поразили меня — я почувствовал в них очень глубокую мысль, а потом меня стало одолевать сомнение. Ведь в истории много жестокого и несправедливого — какая уж тут поэзия. Потом я нашел объяснение этого эпиграфа в твоём диалоге с Петром Павленко. Он там говорит у тебя, на последних страницах:

«...Кто может поэтизировать войну? Дьявол? Некрофилист? Угрюмый завоеватель, жаждущий крови? А вот мужество, храбрость, отвагу людей, готовых жертвовать собою ради отечества, поэтизировать не только можно, но и должно... Конечно, война это железо и кровь, пот и гной и горькое горе. Но если

«Тени друга...» мысль и чувство соединились легко и свободно. А сколько там живописи словом, неожиданных находок, блеска эрудиции!

В последние годы ты словно помолодел. Есть такое выражение — «вторая молодость». Что оно означает, я вижу, в облике моего старого друга. Вслед за «Тенью друга...» и «Отголосками минувшего» появилась твоя «Елка для взрослого». Здесь литература и жизнь сошлись и движутся вместе, и эта связь обозначена не указательным перстом, а картинами, полными неподдельной страсти. Ты не начинаешь, не учишь, не намекаешь на «что-то», не бродишь окольными путями, а ясно и очень интересно пишешь о том, что хорошо знаешь, понимаешь и чувствуешь. В этой повести я нахожу серьезные размышления о многих сторонах нашего бытия и ощущаю характер астора, человека серьезного и задиристого, сердечного и умного, мыслящего крупными категориями, как писал о тебе Симонов, но и обладающего дробным вниманием художника, которое позволяет хорошо видеть детали.

Написана «Елка для взрослого» увлекательно и увлеченно. Когда ты вспоминаешь прошлое, это не похоже на благостные раздумья у камелька. «Увы, в прошлом ничего нельзя изменить, — пишешь ты. — Это можно сделать лишь в пору, когда оно существует еще как настоящее. Изменять мир можно только в настоящем, а тем самым влиять и на характер будущего. Впрочем, правильно понять минувшее не означает ли это вместе с тем и изменить кое-что или даже многое в современности? Здравствуй, прошлое и долг каждого из нас в настоящем!»

Так заканчивается «Елка для взрослого». И она еще раз подтверждает, что опыт жизни идет впрок тому, кто способен серьезно о ней поразмыслить, согреть ее своим сердцем, отличить большое от малого.

Говорят, у одного столетнего старца спросили, что ему больше всего запомнилось за прошлые годы. Он ответил: «Мороженое, я его однажды ел в городе». Глупость путешествует вне возраста, живет поживает и среди молодых, и среди стариков. Но неуменный писатель — все равно что стрела без лука. Конечно, талант и ум — понятия разные, но один без другого — сирота. В современном мире талант, лишенный опоры на ясное сознание, — как пистолет без прицельной мушки. Стрелять можно, но куда попадешь — неизвестно.

«Елка для взрослого» — это исповедь человека, немало пережившего, но еще достаточно молодого, чтобы его рассказ не звучал назиданием издаека, а врывался в кипение наших дней нравственным уроком и примером.

У нас в горах говорят: «Кто легко вспрыгнул на коня, у того нет возраста». Ты, Александр Кривицкий, уверенно сидишь на своем коне, знаешь дорогу и не собьешься с пути. До встречи, друг!..

Расул ГАМЗАТОВ

война справедлива, она свята. Как же не поэтизировать мирных людей, вынужденных взяться за оружие? Если всемирную историю писать по марксистски, по-ленински, то поэзия будет найдена именно там, где она существует в действительности.

И вот я думаю, Энгельс, конечно, прав, и ты точно истолковал его слова, справедливо заметив: «Капитан Тушин в эпопею Толстого — вот поэзия отечественной войны двенадцатого года». Вспомним, как старшее поколение советских людей поэтизировало вооруженную борьбу республиканцев в Испании. Горцы в аулах Дагестана, как и все советские люди, восхищались мужеством кубинцев, самоотверженностью сандинистов Никарагуа, всех борцов за свободу своего отечества.

Поэзия — это не просто стихи. Поэзия — это сама жизнь, если она отдана благородному делу.

В «Тени друга...» поколение разговаривает с поколениями. Ты смотришь в прошлое из дней Отечественной войны и современности. Взгляд твой зорок, произведение глубоко патриотично и значительно. Мне твоя книга помогла ощутить поэзию истории в ее перекличке с нашим временем. В